

Apple Core Co.

ЧЕРВИВОЕ ЯБЛОКО

СБОРНИК ПОЭЗИИ

I. ?

У сонной артерии мозга самодовольно
Жужжали пчёлы и совы
Журчали ключи
Рычали грачи
В проволочном небе

Антиутопия

Забавная картина на стене
Там я — не я и мир — не друг
Пороховые трубы
Вспышки огня
Ворохи ядерной пыли ветрами
Потухшее солнце надеждой в гора
У белых цистерн черна смола

II. Время — сущность

Куриль —
Значит, рыгать
Меня Сартрит
У меня Сартрота

Как забавно, вероятно, наблюдать
За глупых проходимых горожан
Их внешний вид — угрюм и сер
Как порох в бочке всемирноизвестной
Ну, и трогать приклеенный ус
Завивать его в локоны
Спорить не буду: уместно
Забавно и потешно
За этим наблюдать

Тряска

Я жив только благодаря ему — белый лист. Червь моего яблока. Сон моего тела. Приближающуюся рвоту я ощущаю пламенной росой. Кровоточащей косой.

Анне Ахматовой (или Цветаевой)

Любовь всей жизни наша
Не мёд, не клещ в груди
А вера в злобу древних сил
Пишу на грани смерти
Меня покидают боги
Определяются числами вздохи
Я почти умерла

Затверждаю: с этой секунды вы извечно будете считать сначала!

Апокриф

Змея ела Еву
А Ева Адаму
Ребро

Пот под пером
Я взволнован подобно

Пророку под глазом бога
Я пишуший псалм
Или гнусный гусар?
Не отличаю одного от другого

Лис начинает уставать
Пёс продолжает выть
У лиса ушла лиса
От пса убежала овца

В бунгало

Там, где рычаг остановки
Нет и слуху о мне
Но там, где солнце на пальме
Видно и душу мою

Где эти демоны?
Угас канделябр

III. Канон гласит: бей! бей!

Отцу

Пустыня света и тьмы
Заклинаю твою слепоту
Поклоняюсь завету Отца
Ловлю матерей с гор
Возвожу храмы
Ем кровь. Пью телесную кровь
Слаб без тебя. Мал без тебя
Я в ужасе перед вами
Я в бездне. Я скорблю

Ноги горят мясом исходят
Демоны все из меня
Бравады армейские
Капля за каплей
В сточную собора
Парижской Богоматери

МЫ

У него не было чувства смерти. Он питался её грудью, а она пила
семя. Так зародились МЫ.

Ты в саду стоишь
Улыбаешься. Ручки висят
Ты в салатовом платье
Тебе двенадцать

IV. Под почвой досады

Заржавевшая порода травы
Норы. Ущелья. Улы

Трава купается в воде
Захлёбывается
Беснуется

Угол познания

Под сапогом звезда источается в канализацию, омываемая дождями. Как погиб её род? Без тебя я невольно раб божий. Твои родители читали эти строки, да погибли. От страха мои сердечные мышцы сокращаются от боли. Подают признаки страдания. Она прямо-таки готова разорваться между объектами. Кажется, что смерть перестала укрываться от нас, оголила зубы, расчесалась, как кот. И этот дьявол скоро вернётся. Но постойте, мне нельзя напрягаться, боюсь остановки. Или пусть?

(С Новым годом вас, дорогие товарищи!)

V. Лето неолита

(А пираты словили всё же не ту рыбу...)

Сгорай, вселенная моя!
Агония твоя — моя!
Спасибо тебе, боже мой
За чёрный мир!
Мы — игроки триумфа
Нам погибнуть суждено

Тень от пальмового листа
Падает на мой
Белый лист без стиха
Вдали голубое море
Шторм не стихает

Как-то мне приснилась она
Песок облепил ей щёки
Свет играет в глазах
А за ней — скалы, море
На острове — древа
А над ней — небо

Лунная смерть

Кот лежал на траве
Носом бабочек ловил
Тихо смеялся
Улыбался и нежился
Пока вдруг на него
Не упала луна

Руки варятся в котле
На шестисотградусной жаре
Лопаются перцовые ногти
Неостриженные заусенцы

Бурность

Обитель сна тепла
По ночам серый гром

Вечерами ветрами
Камни кометами
Звёзды плакатами
Наши с оружием
Волшебными палочками
Любимыми девочками
Секундными стрелочками
Козами-стрекозами
Звериными водопадами
Светлыми аллеями

Сказка на ночь

Наутро её одеяло
Разорвано лежит
Органы наружу

Квинтэссенция
Экзистенции

Стой, слон!
Впереди носороги

Я думал о самолёте
Его крылья в воздухе
Он как птица
Но что мне мешает
Быть им?

Ступает Мишка
Бежит с курорта
К семье
А не знает, что её
Как год уже нету

(Станция святость.)

Лерочка, подруга моя
Прости меня за глупость
Правда, не умею я с вами —
Девочками —
Общаться

Костёр

— И всё же... ты навечно осуждён обращаться к двоюродной сестре?

— О да. Я навечно захлёбываюсь собственным цинизмом.

— Так почему же не «Цинизм», а «Агония»?

— Скоро ты всё поймёшь.

Памяти

Бабушка, солнышко

Прости за убийство

Прости за действие

Спи на облачке

Вмида так и думал: та лестница вела далеко не на чердак. Она его спасла.

Спросить у кита про погоду

Потом слушать плач

Лучше послушаю дождь

На пляже закат умывается

И вечер купается

И солнце прячется

Здесь умерло

Уныние наше

(время не указано)

(дата неизвестна)

Оттепель

Табак сгорает

Исходит мочой

Растворяется в крови

Я загрязняюсь

Вика, не грусти

Я обещал — дождями вернусь

Конец бреда

Абсурд систематизировали

Панацею синтезировали

Простите все! все! все!
Моё лето эволюционирует
И темнеют пески
Пальма не светится
А, точно! — это взросление
Архетипного ребёнка

*(Ёжик
Больше
Не
Бойтся
Детей...)*

Ия

Паникует осень и я паникую
Паникует зима и я паникую
Паникует весна и я паникую
Паникует лето — и я

VI. Здравствуй, мир!

Зачем наблюдаю поляну
Или гляжу на закат
Если каждое солнце невидимо
Отсутствует звездопад
Но кто так считает
Кроме урбана-бога
Религиозности
Промышленности

Neon

Картавая леди
Предлагает Japanese пива
Брекеты
Бриджи
Портмоне

Раб. Покоряйся —
Удел твой прост
Ответ. Пошёл на хуй!
Я — богохул
Не сдержу этот пост

В моём гнезде чужая жизнь шевелится
Скорлупа её мягкая и шевелящаяся
Мои глаза синеватые и яркие
Как летающие острова

Мухомор (2,5 g)

Мы в яру

Стреляй, убивай нас!
Мы пластами к земле
Не двигаемся
Чавкаем зубами
Молчим
Плачем
Стонем
Умираем
Мы в яру
А ты не в раю

Камни с неба
На скалу
Бледную полосу снега
Несут птицы

У кого здесь не сбывается мечта?
У всех у нас, друзья
Увы, у всех

(Под мушкетером болит голова.)

У солнышка у нашего дела пасмурные
Кажется, ему угрожают
И думается, нам по хуй
Идите ещё раз на хуй!

Бредовые идеи рождаются после прочтения антиутопии. Алогичные, асоциальные. Белые. Я как-то не осведомлён был на этом. Закурите меня без фильтра.

Хрупок мир
И я в нём хрупок
Однако ей
Идёт макияж
Во Франции зима

(Сейчас меня одолевает медлительность и скукота, перо не тянется к руке; я сегодня печален как-то особенно.)

Село

Сумерки и телега
Катится по земле
Катимая человеком
Село

VII. Как-то раз в эльфийском лесу...

*(Как-то раз в эльфийском лесу...
проснулась белочка:)*

Ох, мой сон смертный!
Проснулась я!
Бесстыдна эта ночь
Бесстыден холод темноты
И я скорюсь перед ней

Осенью падали
Ангелята ещё с прошлой
Весны
В голубом небе
В белой небесности
Вихрем
Долой

*Расскажи о нём. Ты не указал имени или возраста: я затрудняюсь
найти его.*

*Не бойся этого, говори. Верь моим словам, я не посмею тебя
обмануть.*

Динозавры пили винные моря
Из палеозойского бога

Пламень
Сонная телега
С сеном
Колесит

Прости, это не тот бог:
Его лик слишком красив
Твой бог — за дверью
В пустоту

(Дыр бул щыл.)

(Но когда белочка поспешила заснуть, очнулся крот:)

Спойте колыбельную о смерти
Утончённую мелодию крови
Яркую кожу египтян
Абрикосовую сыпь
Источающую сладкий гной
Карамельный кофе на столе
Трупы по углам, в блеске
Ёлочной игрушки

Письмо сестре

«Я сдержал своё слово. Будь мною горда. Очень прошу тебя не скучать и не слать приветы. Живи в удовольствие, сестричка, люби мир, его природу. Вкушай вишни летом, держи снег зимой, будь собой. Слышишь? Будь собой».

VIII. Я не знаю, где нахожусь

Яма пахнет тиграми
Мясом и тленом
Холодным напалмом

Ты видел кактус у моря?
Бескрайней волною
Окати
Мою печаль сократи

Фиолетовой рябью монитора
Репит протяжно радиостанция
Ведущий вещает смерть
Ядерные катакомбы
И пёстрый чёрно-жёлтый знак

Упаси Господь от малярии
В этом загадочном синем месте
Ты будешь со мною

Что сказать о поломанном крыле?
Ангел был пуст, как глаза безумца
Смотрят в бездну и улыбаются

Вы скажете: у того парка — далёкого и тёплого, как жданное лето
после осени. Я там, я с ними счастлив, и мне хорошо без психоактивов.
Я не поверю никому.

О вечере, курице и топоре

Действующие лица:

Вечер.

Курица.

Лесник.

Топор.

Лес.

Вечер. Стою.

Лесник. Работа своим чередом. (*Топору.*) Брат... Брат!..

Топор. Лежу.

Вечер. Сгущаюсь.

Лесник. Люблю, когда темно! Не вижу, кого убиваю.

Топор. В руках у лесника я.

Тишина.

Топор. Я куда-то лечу вниз.

Лесник. Со всей силушки!

Вечер. Ухожу.

Курица. Лесник, друг, не убивай.

Лесник (удивлённо). Кто здесь? (*Смотрит на убитую курицу.*) Не может ведь...

Убийство актёров пьесы.

Завтра ждёт день

Почему я боюсь?

«Это не ты —

Это в тебе бояться»

Летите, птицы, к небу смирно

Прямо далеко надолго

У сакуры в корзинке мёд

Я тебе оставил

О ней всё меньше думаю —

Недозволенно; а сны

О ней больны

Или болезненны?

Нам на голову падали звёзды

Когда мы шли домой

Наши обидные горькие слёзы

Стирали долой

IX. Голодные лучи

Наигранная боль
Сошла пенкой
С личика
Оголились нервы
Медные нити
Сорвались с неба
У меня изнурение
И благовещание

*(Я чувствую ясную голову. Я вижу ту сладость, которую ждал. Я
гляжу как через лёд. Это всего лишь трава, бурьян многовековых
земель. Не стоило им пробовать её.)*

Послание живодёра

Летом воздух другой. Напишите на полях в дневнике сновидений
такую фразу: «Поцелуйте себя в губы». Зарежьте тушу живой собаки.

Благодарен общему нашему предку, склоняюсь к его ногам, как брат
наш младший. Он пожелал, чтобы я страдал и, по мере увеличения
страдания, верил в него всё сильнее. И любил.

Гильотина падает на шею и проходит насквозь
Палач стонет смеётся хохочет как танец
Люди несутся на площадь
Пока невыносимая боль ласкает позвонки моей лжи

Травы растут на степи
В бамбуковой роще
С лучами голодными
С глазами настырными
С душой

(Браво! — вы, как всегда, ненужны.)

Переступил
Черту
Дорогу

*(Прозаичность
Ясность
Бетонность
Голод
Лучистость.)*

Ну и хорошо же, что я
Не пошёл тогда назад
Хотя очень хотел
И оказался бы прав

Х. Северный снег

Кто стал впереди обоза
С глазами как у совы?
У кого из наших солдат
Целостная рука?
Выстрелы по небу песчаному
Песочная ночь или ты
Следуя за мною по снегу
Внезапно польющемся с высоты

Завариваю чай
Терплю занозную рану
Плачу луком

Разговор о мёртвых душах

— Пожалуйста, купи мне это
— Прости — денег нет
— Купи одну!
— Затем ещё одну?

Закат покрыл

Закат покрыл наш квадрат — оранжевым огнём. Загорелись волосы мечущихся в ужасе горожан; детей и стариков, собравшихся поглядеть на конец света. Ветер кружит обрывки мокрой собаки. Канат на бельевой сушилке на балконе даёт трещину. Рот мой захлёбывается углём, я дышу пеплом, кашляю.

Некто хотел умереть
Ночью
Но появился он —
Иуда
Сваренный в костре

Куда глядели овцы
С волчьим лицом
Когда ступали вереницею
По плато
Кусая траву и лая
На гончих собак

Засуши свои слёзы между страницами, дорогая подруга, я посвящаю
эту хапку тебе.

Качели на обрыве
С розового дерева свисли ноги
Отороченные белым носком
Рубашкой в клеточку
Этой ватной гладкостью кожи
Холоду бронзовой земли
Гробу в сонной метели
И вот джунглиевая косма
По-кумовски целует меня
Мой платок срывается ветром
Разноцветно тускнеет заря

Эту маленькую собачку заперли в подвале. Она скулит и царапается,
протяжно испуская дух. В щель подвальной двери она видит людей.
Солнышко стоит на месте, но тень полностью охватила её жизнь.

(День рождения.)

Снилось море
Киты. Волны
Лодка горит
Спичкою
На фоне рас
Света

На губах запечённый рис, курица, кровь — от помады твоей. Прости,
после лоботомии затекли чувства.

Песочки на ногах
Кристаллики липнут
Бумаги колена

(Бог и вселенная — с праздником Вас.)

XI. Ненависть к белой марле

Ломаю дом дочери
Стонущий палец
Голуби

ХII. Яркий огненный луч

Запрет выставлен... двадцать четвёртого сего года осенью. Вы, как следовало из письма, были обрадованы известием о кончине Лутарха I. Довольно милы в этот момент. Чрезвычайно рад вам сообщить, как именно князь доставил в столицу партию древнего вина.

Выяснить с усердием. Наказанных — казнить.

Фиолетовая трава рябит, как поломанный экран, жёлтым и розовым цветами у меня перед лицом. Я встаю на землю с автобуса и сгораю.

За холмом стоял дом
Тёмною доской построен
Калёным забором храним
Бессердечен, как злобная рысь
Перед дулом ружья
Навсегда мне покоиться здесь

Енок

Кровяное пятно по ребристой кожаной щеке
Шершавая текстура капли воды
Голубая сетчатка. Белёлая водица по руке

Мы были знакомы раньше
Сидели у вишни. Качели стонали
Но бросок небесный простор
Общепасен мой взор

Был приглашён на праздничный бал. Меня уверили, что все гости из армянского рода. Они ели кактусы перед объективом видеокамеры, повреждали свои зубы и ротовую полость.

Продолжение луга-обруча

У края тропы — обрыв, ведущий в бездность. Это село явно погрязло в засухе — гладок день плиточной чистотой. У ног змеится муравьиная кислота, жидкий налёт струится по носкам обуви.

Сбоку проходит девушка. Я делаю полуоборот головы и вижу её. Слеплён. Нагая печаль. Глаза стука в дверь.

Боженька молчит. Тихо у него.

ХІІІ. Всѣ в порядке, когда душа не кричит

Бездушный дом
В нём нет людей
Там есть лишь тон
Сырых ночей

Зачем догорать сеном в костре
Если можно углѣм в печи каменной
Если можно лучом в свете солнечном
Если можно ставнем в заборной щели
Если можно, как у людей

Постой, Стив, как мы можем объяснить своё нахождение посреди
снежного бора? Мы оказались здесь просто так, внезапно, и я засмеялся.

Греются ножи в руке
Перед боем и схваткою
Зубы наточены
А когти сияют до блеска

Предмет моего уныния
Кроется в природе
Красоте местного дома
И его зелёного сада

Топливо для последующей эскалации конфликта
Буримо нашими властями

Речь пойдёт о девочке

Она жила на большом дереве, совсем одна, серое небо плакало на её
плечи в хаосе ночи.

Вот наступал вечерний закат, и вишни стали собирать на фоне
солнца десятки детей. Они улыбались, сосредотачиваясь радостью. Их
было так много, что некоторые повторяли точный образ наблюдателя.

*(Вина перед ней пленительна. Я признаюсь, что моя ранимость
связывает мой образ жизни. Вика, я как всегда уклоняюсь смотреть*

тебе в глаза и пишу через свои псевдостихи, показанные в сборнике поэзии «Червивое яблоко». Мне совсем не страшно словить бледного, я не буду это редактировать. Я просто отдаюсь воле этого растения, подвергаясь изменению сознания на плаксивого мудреца, поклоняюсь дофаминовым рецепторам, вспоминаю убийство бабушки и плачу глубоко, а оно выливается рвотой или водой. Мои белки глаз красны от крови. Я захочу удалить этот текст ради спасения. Своего долга. Образа. Моё сердце стучит, оно боится этого потока, осмысленного через призму водного аппарата. Спасибо, тюрьма.)

Я стою перед подсолнечным полем. Окружают меня огромные деревни: очень древние и мудрые. Я вступаю в воду, которой по шею погружены поля, и растворяюсь эгом.

(Теряются чёткость и ориентация. Мне кажется, что я бездушные руки, печатающие текст и постепенно себя осознающие. Это ужасный опыт любого растения.)

(Мне стало ещё хуже.)

Солнце снимает бюстгальтер
Свет ослепляет нас летом
И по мере этого становится развратней

Господи, лунная мистерия покрыла меня тошнотой. Все книги, которые я прочитал, теперь запечатаны. Мне не станет лучше. Это первое правило любого жизненного опыта. Пессимизм ради любви. Второе правило звучит так.

Птицы свили гнёзда под моими мешками
Купаются там
Учатся есть
Ходить
Я не вижу их, но птенцы
Особенно часто в грозу
Залетают ко мне погреться

Зашли вновь ураганы
Вновь гниёт муравей

(Всё в порядке, когда душа не кричит.)

Хочу себя убить
Тугой морковкой
Сырым котёнком

Наша дорога ведёт в туман, мы сливаемся с ним. Станный робот теснится вперёд. Он бесконечный поток воспламеняющихся частей. И вот я начинаю сильно гореть.

(Я выиграл.)

(Я обрёлся. Раздулся.)

(Но я не верю этому.)

На сыре, который в углу, красная плесень
Тараканы лапами к небу
Крошки холодного хлеба
Какая же божественность?
Это крах системы
Закрыть лицо мокрой тряпкой
Кровь стыла и безвременна
Она беременна

Стой, Мириам. Закрой за собой сундук с сокровищами: эти богатства принадлежат не тебе лишь одной.

Мириам открывает сундук, подойдя к нему.

Ночью было тепло, горели фонари у балконов, люди пачкали себя габапентином. А мы шли, без шапок, ласкали снежинки языком, под видом кислотных, мы исследовали свои тела с долей крамольности. Прости. Но я помню, как вы были близки с ним. Каждый день был чем-то новым. Он дарил тебе цветы... Целовал. Любил тебя. Что случилось?

(Просто подумай о том, что ты извиняешься за то, что делаешь осознанно.)

XIV. Я фитиль

Будь смелее, пишут мне родители. Им легко: возраст их прережет ножом у горла. Я выживаю эти дни через компенсацию злобы; каждый новый человек находился со мною на том пляже, и закат.

Фиолетовая тучка
Кислотная горошина
Хлеб заядлый
Нора притяжная
Китайский интернет

Мир накрывается, я стою в это время под козырьком подъезда. Вижу своих пацанов: они передвигаются. Кто-то скуривает две сигареты за раз и начинает плакать. Я подхожу к этому человеку и трогаю его за плечо, стараясь поддержать. Но я плачу.

Ничего не чувствую
Ничего не знаю
О действиях жалею
Ей пренебрегаю
Хочу для себя
Боюсь о родном
Но так нужно мне
Но так честно

XV. Внезапно, остроумно

Некуда деваться
Нам по лугам
Нам по траве
Нам далеко вперёд
Ночи нет
Мы переполнены грудью

Когда меня толкали в спину в толкучке метро, я ни разу не подумал о бронтозавре, как шип, покрывающим мои хребты. Не знаю, почему так.

Это ангел припёр меня к стене
Сдавленна моя бледная шея
Мне хотят показать
Око многообразия

Возвращаясь, поставь крест за собой. Ты станешь видеть количество этих повторений и страдать.

Японский психоделический опыт
Пронзает меня радужно
И я падаю на трассу Нары

— Мы встретились всего один раз
— Комета охраняет нас?
— Катаны согревают лоно

Моя бездонная копилка в пустоте

Сотрясает зимнюю ткань
Белого снега

Моя секретная калитка в пустоте

XVI. Свет, побеждающий вечный закон, — ЭТО ЛЮБОВЬ МОЯ

Принцип действия смерти
Заключён в шестернях
Если подать движение зубчика
Раскрутится карусель
Ток под медной проволоке
И то, что спит на балконе
Дед назвал его Кузей
Скоропостижно умрёт

Морг

Работник морга.
Морг.

Тёмный ночной морг.

Работник. Хочу сменить работу.
Морг. Ты меняешь её прямо сейчас.

Она обернулась, купальник впился в тело, я был на верхнем этаже
высотки, солнечный день, но кровь струится по летящей птице, и я
думаю о ней, которая внизу. Внизу стоит она, слёзы невидимо внутри.

XVII. Что у меня внутри

Я ослабев поглинаюсь червями
Вот и крепость смерти
У скутого хутора
Медняки

Обожгу свет смольной молодой
Под кострище победы поляны
Закупировав свету яблони

И снова снег над миром
И как бел наш мел
Предсмертный
Капитан беспроцентной лжи
Тревожен пустотой

XVIII. Восторг на обочине

Я люблю свой город!
Искренне люблю!
Всегда готова поглощать
Радиоактивный заряд

Краска по дереву
Свежая, синяя
Она собирает малину
На заднем дворе
Её мама купается
А отец занят выпивкой
Вот проходит секунда
Пышного дня
И конец

Она смотрит на меня через окно
Она не улыбается
Она улыбается, когда видит животного
«Простите меня, — говорит она. — Я не та
За кого приняли меня.
Я глажу кошку, когда вижу её».

Я напиваюсь из треугольного бокала
В горле хлещет вино моё
Волнообразное японское
Покинутой дочери отпечаток
Во мне остаётся ночами

Я бесполезен

Уменьшаюсь в размерах, становясь муравьём на обычном лугу.
Растворяются во мне человеческие мысли. Я зарождаюсь как растение, с новыми лепестками и ростками.

Корь перекинулась на нос и волосы
Она едет домой

Легли моржи на льдину
Синие киты падали

(Повторяющийся образ жирафа и отца.

Социальная обусловленность. Зависть. Тоска. Зависимость от чего-то большего. Ты, как маленькая кукла, сидишь в настроенной позиции, — а всё из-за того, что перед курением говорил о моём низком положении. Я ощутил волосок смерти. Он в центре — сначала красные вены, затем чёрные. Их лица вызывают не смех, не грусть, не страх — отчуждение. Как я был глуп, думаешь ты.

Действительно ли ты воспитана такой, или это мои навязчивые мысли делают тебя такой; в любом случае я перед тобой раскрыт, обнародован.)

*НЕТ, ПРОСТИ
ТЫ ОСТАНЕШЬСЯ
ТЫ ПРОРЕЗАННЫЙ
ЗУБ НА ДЕСНЕ*

В пещере стоит тьма
На берегу чувства
Крайне углублённый
В своё бальзаковство

Грозящего тумана блик
На могиле картонной
Из замка глядит луна
В аксельбанте

Перекур в поезде оборвался, когда я подал голос.

В октябре, признаться, я был поглощён идеей создать комариновый проект с участием дельфинов. Что-то многозверовое, качественное для таких людей. Вот и ваш грех: добро качается на нитке, ведущей через ад.

(Чёрный. Собака.)

Стал танцевать под зонтом
Лепить позолоту
Коптить сальцо
Кони лижут мясо

«Я пишу тебе вновь. Пройдя по дороге родного дома собери цветы. Я буду на другой стороне поляны, без глаз, с телом семилетнего. Моя мама теперь не позовёт меня домой; некому будет защитить меня; одиночь нарастает».

(Я не видел ничего подобного. Меня отпускает само время, я не знаю ничего.)

Тот поцелуй я помню. Очень люблю вспоминать лето и тебя, в белом сарафане, с цветами. Какая красивая речь была у тебя. Зачем ты говоришь землю? Салатовое небо. Абрикосы. Хорошо быть пчелой.

XIX. Буль. Конец гололёду

Я спать на хотел
Двести лет
Пояса туже
Небеса стуже
Холоды
Краткий миг
Вдохновения
Раздевается
В святой мигрени

Камни на гладкой ступне
Падают в пролежни
Белые персики
На дереве яблоне

Мелисовая печаль
Вино-градных полей
Оттачивала аскезу
Поклонения дождю

Корни

Он стал рядом с нею, заботы полный. А она что-то делала у колодца. Тогда было лето, и она стояла в желто-чёрном платье в крапинку. Он не выделялся: не было у него особенностей.

Девочка улыбнулась и представилась; нежна была её кожа.
Итак, а в колодце слепая вода, как святая, только не совсем.
Корни выросли и съели её.
Мальчик ужасом покрылся и убежал.

XX. Гнойная бель глаз. Лувры мощей

Крики, стоны, перегной
С трубчатого горла
Дятел пищит узловато
Дятел сопит меховато
Как медведь в норе
Ужаленный виною горбатый
Теряет ганглии

Утром в селе загорелись провода розовым солнцем. Ярко было.
Никто не ослеп, слава богу.

— Попил с родника
— Какая на вкус вода? Солёная?
— Кисленькая. Неподалёку был лимон

Без беля одна только моя тень.

Когда он увидел бога —
Гомункула
Тело познало
Оно увидело
Не удержалось
От радуги

Идя по осеннему парку
Прыгай в листья
Там лужи капельками

Космически: чорная, от слова Чоран, бельма. На лице нет ничего,
кроме: ушей, данных, чипов.

Роды прошли у ручья
Спасали Её
Не спасли: утонула

XXI. Нето

Никого не впускал без ключа
В церковь белую
Гладил рыже-шерстного кота
Под выемкой снега
Меня и расстрелом пугали
Меня и могилой кляли
Под тонкими слоями берега
Кристаллически-златый песок
Под песни пиратов танцуется
Алкалоид снуёт в кровоток

Оборвал гранат, он рос у реки, и сладковатый сок облепил подбородок. Затем наступили сумерки. Я вглядывался в небо, пока вдруг не стал замечать вдалеке идущий, даже плавающий, силуэт человека. «Девушка, — подумал я. — Длинные волосы».

Её шаги неустойчивые, но уверенные, и мне кажется, что она идёт к чему-то. Или ко мне — то есть к кому-то.

Дорога шла дугой и проходила рядом с бездонным колодцем, в который плевались дети.

Ночью ещё страшнее

Я спрятался.

Ночью она исчезла, как будто и не было вовсе. Только тихий смех, доносящийся из-под земли, вскрывал её присутствие со мной.

Густой, смакующий себя дым полился из чайника. Несколько сотен лет длилось испарение. Розовые птицы на синей листве щебечут. Ноготь вырастает через ногу детской обидой на отца. Я не про себя.

Весной возле домов палили сухую траву: небо краснело, закат тёк по длинному коридору тропы, а люди, трезвые и спокойные, шли домой.

Образ уныния строгий и тихий
Как мой пасторальный этюд
Как моя попытка быть старше
Немой вопль посреди камеры
Или вопиющая немота

Так честнее. Так
Не обманываю себя

Я снова не прав? Строптиво колоть не иглу, но бумагу
Крыло задирается, будто из меня лепят оригами
Я будто угловатый лебедь
С носом из цветного картона

XXII. Осадок

Заготовка

Заготовка: рыжая плесень, гвозди, фанерный листочек, работник. Строим детскую реабилитационную комнату. Да будет мир во всём мире.

Под прицелом. В первую очередь, паясничаю перед людьми. Во вторую жалко становлюсь слабее, ведь то, что меня не убивает, делает меня хрупче.

За селом плыла речка
В сене

Пограничная лава
Тёплого вечера
По руке каплею
По ноге струею

Я отдаю команде обрывать шварты! Голубое, одесское небо сегодня солнечно до невозможности. Мои приятели-грузины смеются за столиками, вспоминая юность.

Кити обнаружила клетку с птицей, висящую на ветке; девушка шла домой с мыслью поскорее покушать. Ей стало так жаль птицу! Она нашла под ковриком ключик-нож и совершила демонстративный замах клинком: кровь рванула из полосы на её груди, густая, гемоглобиновая. Что-то заставило её рассмеяться во всё горло... Она уже рядом.

Ты правильно нарисовал звезду?
— Да, — отвечает оккультист. — По образу и подобию.
— Но это звезда Давида!
— Тогда мы говорим об одних вещах.

Я вышел на поле. Красочно было: небо в ажуре, травы — Амуры.

(Я не опьянён достаточно и мне сложно рассуждать о ней и о мире.)

Это будет бесконтрольная ложь.)

Тебя привело сюда
На тропу в фэнтези-книге
Над тобой лапуховые джунгли
Где обитают криксыды —
Птицы-уроды с когтями
Впивающимися в череп
Твой

Свет в конце пещеры. Иди тише, тише, тише... Поднимай ногу,
выступ. Смотри в оба!

Руки болтаются за кислый карман, наполненный мясом. Со вкусом
неба.

Показывай своё лицо.

Префекторий

Мышцы зубов болят, перетягиваются, размыкаются, дёргаются, копошатся под мошонкой, в коричневой пустыне меня снимали египетские власти. Пытались найти букет?

Этот букет был утерян мною.

Вошёл в такт абсолютной ритмики
Волнообразно танцую
Аквариум в океане
Океан в аквариуме

Написал себе письмо в далёкое прошлое
Спросил, озадачив, упрёком:
«Где мои счастье и бескорыстность?»
Но это лишь дело минувших летящему
Теперь на поляне лежат пироги
С яблоней грушею
Черникой орехами сахаром
Без стыда воруй на наших огородах
Безжалостно дразни помпу и соль
В дулах дробовика
Если держат в заложниках душу твою
Атакуй и снимай душу свою
Как костюм

Это как эволюция в обратном порядке: сначала ты пишешь на стене, умещаешь в тусклую лампочку камеры. Тебя избивают за нечистоплотность. Твои текста — манера речи палача.

Теперь, будучи всего лишь соцветием матёрки, я полагаюсь на архивную любовь. Нахожусь в тепле и достатке. Тот, кому я был невыносим, исчез. Меня окружили новые люди в эскимосских куртках.

И я потерял свободу.

Женщина, остановитесь, вы так далеки от меня, но ваш запах я чувствую за километр. Я хочу вас оберегать, как подруга, хочу быть вашим компасом.

(Сейчас мы ещё ближе.)

Через метр от меня сидит такой же чешский, бедный каторжник. У него руки так износились от кандалов, что стёрлись до бледных косточек. Лицо у него всегда выражало смиренное спокойствие. Отдавал богу душеньку — веровал. Но его били так часто, что каторжник выжил из ума... Мы больше не видели его.

Хотя нет. Сегодня — первый раз.

Всё как у людей
В Америке

Четыре человека стоят
На вершине цитадели
На их фоне горит
Полыхает закат
Фиолетовый
Так, игнорируя холод
Шли войском на лагерь пленных
Умерли

Останься со мной
Мне холодно признавать
Как я ранима

XXIII. Ладно, подыграю

Мои слова с недавнего времени требуют перевода. Я нанял несколько людей — все профессионалы своего дела. Один из них отказался переводить на церковно-славянский, считая, что это неуместно.

Долго ли он противился? Да, пожалуй. Одну вечность.

Ширка

Я убиваю вокруг себя всё, что вижу
Боясь, что не увижу его

Ветка по холодному лицу
Зелёный светится

(Наконец-то лодка прибыла островов!)

— Я помогу тебе добраться вишни. Вставай на руки!
Она оглянулась, но увидела небо цвета мяса.

Сразу обесточил слезу
Той, которая будет мне плакать
Я не о той, за кем вы сюда пришли
Я всего лишь язык
Вена во рту
Перцептивный кадык
И не более

— Там жаба, — говорит он.
Она что-то неразборчиво говорит.

Он думает, она сказала: «У нас?», молчит несколько секунд и говорит:

— Да!

Уродливый человек горбатого смысла
С тонкой сединой усов
Куда тебе плыть по течению
Если мешок ты с говном?

Устроиться богоподобным диктатором, извлекать из сердца червей,
многое другое. Или — оставить всё, так как есть.

Составить тотализатор
Проиграть
Лобы натягивать в кожуру
Хуторы перевалены за черту
Села, посёлка

Чайка отдернула шторы и увидела рассвет. Белки
Но это не значит пережить

Слабее тебя
Глухие поля
Они не умеют ходить

Совсем чуточку обеспокоен. А так — лебедь лебедем. Красногривый,
хлебный.

Без раны ножа
Без лёгких твой мешок нутра
Ты беден совестью и честью
Ты сладкий плод
Проеденный лестью

(Март подходит к концу.)

XXIV. Маловолие

Как мне тебя обнять?
Ты внутри забора
Колючего острого
Твои глаза плачут
Ты плачешь по мне
Впервые в жизни
Помнишь меня

Спасите меня, уточки
Что купаются в моей ванночке!
Посмотрите на плесень
Во рту моём
Присмотритесь: я не ваш
Сын

Похороните мой труп!
Солнышко, небо, земля
Проели меня!

Какова на вкус душа?
Мясна она?
Костива?
Горьковата ли, сладна?
Скажите же скорее

Хлыст, насыщенный кровью
Высыхает на медной нити
Я готова стать палачом
Для него отыскать иной дом
Земли этой
Принимает ли Ваше Сияние
Моё предложение?

Заговорили о погоде. Она уныло сёрбает чай, листает неинтересную ей книгу. А я молчу, не знаю, что сказать. Презервативы гниют на полке. Она хочет от меня конкретного, но, когда я сказал про чай в пятый раз,

она смирилась. Навсегда.

Поцелуй ладонь
И отравись

Распластался на траве
Кишки сразу в сучки обратились
Бабочки — шмыг из нутра!
Как вода
Водопад сверху обливает
Тяжелеет мостик-спина
Я прогнусь, погублю этих людей
Ближе к концу пальцы сломались
Вывернулись зазнались
Мостик хрустнул и сложился
Надвое

— Привет! Эй! Привет!
Она оборачивается:
— Привет.
— В каком году я умер?
— Две тысячи, — она вдыхает, — двадцать шестом.

В лице застряла ногтевая пластина
Эдакая обида
Как вшивая гнида

XXV. Пасха

Именины у Нины
Прошли не дома
А там, где гнилая
Утроба гноится
В виде меня

*(Кант спит.
Сакура цветёт.)*

Хребет ангела
В пизде начат!

Глупый мотылёк

Мотыльку препарируют сетчатку. Ему страшно. Как и тому мальчику, который искренне удивлялся цапле, стоящей на одной ноге.

Я вижу всё реже
Глазы-гангрены
Глотка-живот

Желеобразный бетон
Под каркасом подъезда
Он вровень с лунной
Когда небо в обиде
На белую точку
На лунном месте
Под остров пляжный
Немного острый
Под великие дали
Погибших поэтов
Зрею пшеницей
На поле чудесном
На красном обзоре
Святых фонарей
Проклянёт благодать
Пещерной материи
Заглянет под шапку
Огромному змею

Я знаю, что зрею

(Это господь оголил одну часть меня.)

Я люблю её за тёплую ногу посреди снежного сада, на который падает тень оловянного дома: внутри повешены отец и мать; труп маленького Николая парализован; ворона сломала клюв, летя с новостями.

Одержимый демоном приполз ко мне, на коленках, оставляя за собой бледную кровь верблюда Хасло.

Верблюд был рождён по ошибке своего создателя.

Жираф?

Пожалуй, олицетворение той любопытности, какая была у тебя. Он так же высок и худощав. Он переживает за тебя, как и все другие люди.

(Я достиг правильной, голубой областью этого лета в аду. Птица белая. Диссоциация как следствие любви. Повышенная значимость от каннабиса не снимает с меня ответственность.)

Узник на плите спит. Лёгкие больны, хрипит, тяжело дышит. К нему человек с заточкой — с ямы, — тихонько подходит. Хочет вбить.

Узник потешается красивому сновидению. Белому сиянию ореха посреди двора

Где я помню её

Розовой девочкой

Скрытой туманом мотивом

И забылся

Иисус Христос пожалел, когда строил отцу уважение. Он забылся.

(Я забылся. Я никто, я не могу это забывать.)

XXVI. Рыжущий скачущий заяц

Будем привыкать
К новому слиянию людей и животных
Радикального мнения
Сбитой мысли

Стой, мяч! Я кричу мячику, летящему к абрикосе, чтобы тот остановился. Он меня слушает. Забор. Она оборачивается: мамочки, какие у неё алые щеки! Будто бы она выпила.

Между щелей солнце, радое её смеху. Оранжевому мячику моему. Доброму, канаванному. Скалистому, морскому, пленному.

Крыша лопается на досочки. Они встают в саду, стоят, стонут. Моя вторая личность встаёт из-за стола и, опрокидывая стопку водки, гортанит:

— А сейчас промолвим первую книгу «Братья Карамазовы».

Смерть — это порядок нейтральных вещей, на которые обычный глаз не обращает внимания.

Любовь — это свобода в том, чтобы от неё отказаться.

Вы скорбите по орбите, не по образу. Вы боитесь, уступите место — будет олово. Красная безмерная, моя душа паламенна.

Жёлтые домишки по бокам нашего пути.

Я смеюсь в ответ на шутку моего младшего брата; Питерсон покурил сальвию и громко упал — ребята стоят над ним. (Это потом выложат, ведь так? Эй, камеру убрал!)

Я смотрю подобные видео каждый день, это мой ритуал. Сейчас идут помехи, я несколько озлоблен.

Я стал легче
Правда, жёстче
Может, черви

Хлеб и мина — почти одно. И об то и об то зубы крошатся. Даже в такой ситуации у меня работает дорсолатеральная.

Медуза огня
На тучу
Яркий свет
Родится

XXVII. Хасло

У человека интересно всё —
И рот, и небо, и весна
На подбородке

Погладить ноющий затылок
Прилечь на диван
Заснуть
Проснуться в лесу
Голый новый
Заплакать

Кити

Я подбежала к устающему красному попугаю, дёрнула за ниточку, привязанную к лапе, громко рассмеялась. Сегодня облачность необыкновенна! Одному богу известно, что будет.

Мор

Птички великодушные
Шатры глубоководные
Нефти чернильные
Пасти голодные
Руки подёртые
Ноги уставшие
Плащик навыворот
Галстук в удавочку

XXVIII. Двести лет одиночества

Я слышал рассказ от бабушки, который поверг меня в настоящий ужас. Гром за окнами пугал меня, и я прятался в белом коконе, собирал цветы и камни, падал в припадке. Подо мной стонали ленивые коровы, и сам я стонал. Услышать в такой момент пугающую историю было для меня каторгой, так что я сел и принялся слушать. Но бабушке повредили зрительную кору, и теперь непонятно, что она видит. Возможно, вспышки кремового света, как глаза; чёрную неизвестность; свое безмерное время, своё детство, наконец? Я стоял с топором, а мой рот был открыт в иступлении. Я так увлёкся, что не заметил бабушку, обращающуюся ко мне по имени. Я прислушался (мой топор разлетелся на части). Она попросила «выключить это». Но что я включил?

Ступень I

Ко мне сиреневой улыбкой
На лице кристальном чистом
Девичьем твоём —
Воспой: печаль, любовь, свободу
Чтоб плакал зал
Чтоб чёрные тучи на фоне
Полили

— Я теперь — не сама
У меня есть друг
Его зовут Бафомет

Моё тихо лето
Закончилось, Вадик
Я так скучаю по тебе

Ступень II

Затихли травы по ночи, затихли люди со своей суетливостью, один я

Бесконечный змеиный поток из чёрно-золотых колец
Орёл без крыл, дракон в земле, зачем мне день?
Я лучше стану последним слушателем бога
Чем расскажу это вновь

Почему-то не всё держится на трёх слонах
Наблюдатель плачет, картинка трясётся

Невозможно сосредоточиться
Невыносимо привыкнуть к темноте
Переносимый дом — улиткообразный человек
С черепами и носками
Вонючими телами
Я пишу и кричу сам себе на ухо
Но меня слышите только вы

Ступень III

Слепил эту лестницу из пластилина
Намочил её пролившейся водой
Но вдруг я оказался в доме
Я пропустил её
Она разговаривает
Солнце кого-то съело
Как будто она не моя
Как будто бы я заблуждаюсь

И нет её
И нет меня
Я просто сон
Без визы сна

Декабрь 2025 — апрель 2026 гг.

Примечания

- I. ? XX.12.
- II. Время — сущность. 25.12. 20:45–22:00
- III. Канон гласит: бей! бей! 29.12.
- IV. Под почвой досады. 31.12.
- V. Лето неолита. 12.01. 20:XX–22:22
- VI. Здравствуй, мир! 17.01. 20:XX–22:29. 2,5 g *Amanita muscaria*
- VII. Как-то раз в эльфийском лесу... 28.01. 2X:XX–22:59
- VIII. Я не знаю, где нахожусь. 29.01. 21:XX–23:31
- IX. Голодные лучи. 04.02. Sult
- X. Северный снег. 05.02. 17:XX–21:30(2x)
- XI. Ненависть к белой марле. 06.02.
- XII. Яркий огненный луч. 18.02. ~15:00–22:XX(2x)
- XIII. Всё в порядке, когда душа не кричит. 19.02. ~07:00–23:XX(~4x)
- XIV. Я фитиль. 20.02. ~07:00–08:00
- XV. Внезапно, остроумно. 24.02. 22:XX–23:XX
- XVI. Свет, побеждающий вечный закон, — это любовь моя. 25.02. ~07:00–08:00
- XVII. Что у меня внутри. 12.03. ~18:00–22:00. Ego dissolution
- XVIII. Восторг на обочине. 13.03. 07:00–19:49(~3x)
- XIX. Буль. Конец гололёду. 16.03. ~09:30–1X:XX(~3x)
- XX. Гнойная бель глаз. Лувры мошей. 18.03. ~12:30–XX:XX(?x)
- XXI. Нето. 27.03. 15:00–~23:XX(2x)
- XXII. Осадок. 28.03. 07:XX–13:XX(2x)
- XXIII. Ладно, подыграю. 29.03. 07:XX–21:XX(?x)
- XXIV. Маловолие. 31.03. 07:03–07:49
- XXV. Пасха. 11.04. ~21:00–22:00
- XXVI. Рыжущий скачущий заяц. 12.04. ~21:00–23:00. 80 ml водки (вазодилатация)
- XXVII. Хасло. 13.04. ~07:00–XX:XX(2x)
- XXVIII. Двести лет одиночества. 15.04. ~07:05–08:00